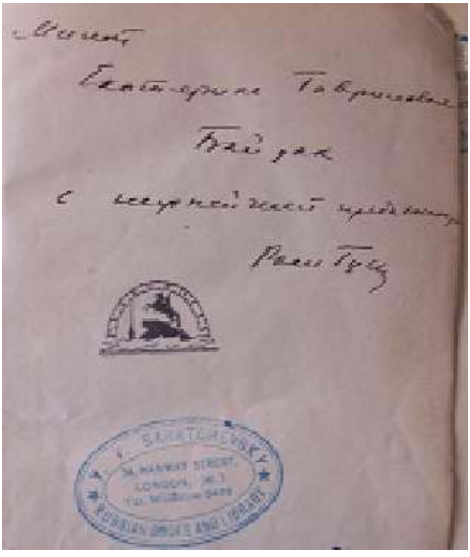
Если вы библиофил, то через ваши руки проходят тысячи книг, и некоторые из них могут содержать любопытные артефакты на обложке, корешке, полях страниц и даже иной раз на срезе блока. Достаточно внимательно присмотреться к букинистическому экземпляру, чтобы представить себе не только последнего владельца изрядно зачитанной книги, но и эпоху, в которой он жил. Инскрипты на полях и титульных листах, а также дарственные от руки с именами дарителя и одариваемого подсказали мне интересную идею – попытаться установить характер их взаимоотношений, уровень общения двух личностей – автора и того, кому он надписал свой экземпляр. Ведь, это только в эпоху массовой литературы появилась традиция дарить автографы на вечерах встреч с читателями, на новых книгах, только что приобретенных. Издания же библиографические, а тем более, изданные в русском зарубежье, были лишены этого свойства.

Они надписывались, как легко заметить, только тем, кто был знаком с автором лично. Из интересного замысла постепенно сложилась серия

очерков, которые я назвал «дарственными очерками». Своего рода дар тем, кто оставил в книге дарственную запись, тем, кто ею владел, да и тем, кто сейчас прочитает этот очерк и задумается над представленным здесь, но далеким по времени, инскриптом.



Однако в третьем, публикуемом здесь очерке не все так просто. Он не ограничен автором и владельцем, поскольку в повествование вмешивается третья персона, отнюдь не лишняя в данном случае.

«Милой Екатерине Гавриловне Байдак
с нежнейшей преданностью.
Роман Гуль.
Париж. Июль 1934», -

гласит надписанный авантитул книги «Генерал БО», изданной в Берлине русским издательством «Петрополис» в 1929 году.

На тот момент, к лету 1934 года прошло менее 12 месяцев как автору книги Р.Б. Гулю удалось вырваться в Париж из немецкого концлагеря, в котором он находился пусть и недолгие, но все же тягостные, несколько недель. Роман Гуль не впервой оказывался в казематах, до того он успел побывать в петлюровской тюрьме в Киеве и в лагере перемещенных лиц в Германии. Каковы же были причины того, что известный русский писатель, историк, документалист был задержан и посажен?

Как это ни смешно, но из-за подозрений в связях с Советской Россией. Особенно это выглядит странно по отношению к нему, вызволенному немцами же из украинского плена в самом начале 1919-го, а до того сражавшегося с красными в рядах корниловских войск. Сам Роман Борисович объяснял свой арест выходом немецкого издания романа «Генерал БО». На наш же взгляд, главной причиной явилась его работа над документально-художественными очерками – серией портретов известных большевиков – Тухачевского, Ворошилова, Буденного, Блюхера, Котовского, Дзержинского, Менжинского, Петерса, Лациса, Ягоды. И вот почему мы делаем такой вывод. Скажем, в книге «Дзержинский» (1936) прослеживается возникновение и разгул красного

террора. Издать такую книгу в фашистской Германии Гулю тогда не разрешили. Как известно, национал-социалисты и советские коммунисты в те годы очень крепко дружили и друг друга поддерживали. Книга Гуля вышла в Париже, на что власти Германии, в которой жил автор, не могли не отреагировать.

«В гитлеровской тоталитарной Германии
я не мог психологически и душевно жить», –
вспоминал он в первом томе мемуаров «Я унес Россию».
«Всем существом захотел я вырваться из этого коричневого тоталитаризма на свободу».
Гуль уже готов был бежать из Германии, когда его арестовали и отправили в концлагерь Ораниенбург, откуда через месяц освободили с объяснением, что арест был произведен «по недоразумению». Подробности о пребывании в заключении он описал в книге «Ораниенбург: что я видел в гитлеровском концентрационном лагере» (1937) уже находясь в Париже.

Оказавшись в Париже, Роман Борисович восстановил старые оборванные контакты. Упоминавшаяся выше Екатерина Гавриловна Байдак (1903-1977) также воевала в корниловских частях, как и Гуль участвовала в «Ледяном походе», эвакуировалась позже через Одессу. Поэтому не удивительно, что книга ее сослуживца была им надписана и подарена ей еще в 1934 году. Но кто же загадочный третий персонаж, вмешавшийся в эти дружеские взаимоотношения?
Им оказался В.В. Барачевский, скаутмастер, руководивший единственным русским скаутским отрядом в Лондоне, и одновременно организатор русской библиотеки и книжного магазина. В его библиотеку и передала Е.Г. Байдак свой экземпляр книги, о чем свидетельствуют многочисленные овальные штампы на английском языке. Перед тем, в 1933 году, скаутмастер Барачевский награждается знаком Белого Медведя 2-ой степени за его скаутскую инициативу, организацию и плодотворную работу с русскими скаутами и волчатами в Лондоне. И

известен лишь этим в большей степени. В чем же причина передачи надписанной книги хорошо знакомого ей человека, лично подарившего ей этот экземпляр, передача в другую страну, из Парижа в Лондон, да еще и в общественную библиотеку? Неслыхано. Читаем дальше.
В конце 1936-го благодаря изданному по-французски роману «Генерал БО» известный кинорежиссер Жак Фейдер (1885-1948) приглашает Романа Гуля работать в фильме о русской революции под названием "Knight without armour" («Рыцарь без доспехов»). Фильм ставился Александром Корда и главные роли исполняли прославленные Марлен Дитрих и Роберт Донат. Роман Борисович был приглашен как консультант по техническим и драматургическим вопросам (*technical advisor*). В Лондоне он пробыл больше полугода и, когда вернулся во Францию, то на заработанные деньги купил на юге страны небольшую, в **5** гектаров, ферму Пети Комон. Близ городка Нерак, в департаменте Лот-э-Гаронн.
В упоминавшейся книге воспоминаний «Я унес Россию» Гуль вспоминает о своей работе в Лондоне, как о чуде, произошедшем в его парижской жизни:
«…я ехал по Лондону в комфортабельном
“казенном” автомобиле
“Лондон филмз продакшен компани”,
вспоминая, что несколько дней тому назад в Париже
у меня не было денег даже на трамвай».
Он рассказывает, каким образом это «чудо» случилось: «Известная французская драматическая артистка, долго выступавшая в Комеди Франсез, Франсуаз Розе, жена Фейдера, выслала мужу из Парижа несколько “нужных для его фильма книг”. И среди них был мой “Азеф” по-французски, изданный у Галлимара под заглавием “Lanceurs de bombes” (“Бомбометатели”). Но по недосмотру издательства на титульном листе было напечатано “перевод с немецкого”. Помню, я поехал тогда к Галлимару, чтоб “устроить скандал”, требуя перепечатать титульный лист. Но милейший Брис Паррэн, тогдашний директор издательства, свободно говоривший по-русски (женатый на русской – Челпановой, дочери известного московского профессора), уломал меня всякими “вескими” доводами. Перевод на французский Н.Гутермана был очень хорош, и Фейдер, прочтя книгу, как он говорил, “залпом”, пошел тут же с “Азефом” к Меерсону, сказав: “Лазарь, вот этого немца я обязательно хочу достать как “техникал адвайзора”. Взяв книгу, Меерсон залился смехом (по рассказу Фейдера):

“Да это же вовсе не немец,
а русский, мой друг,
которого мы немедленно
можем вызвать телеграммой”.

Я был в восторге! – говорил Фейдер, – и мы, с согласия Корды, послали вам телеграмму. Это и была телеграмма в пятьдесят два слова с требованием “не соглашаться меньше чем на пятьдесят фунтов в неделю”.

Так состоялось спасительное обогащение Романа Борисовича Гуля. Приехав в Лондон он там знакомится с Барачевским, который тут же заинтересовался его романом и в поисках книги, к тому времени уже распроданной, смог лишь упросить через Гуля его знакомую Екатерину Байдак предоставить для русской библиотеки в Лондоне, которой Барачевский заведовал, ее дарственный экземпляр. Возможно, со временем он надеялся найти другую копию, а эту вернуть, но увы.

Так, порой удивительные судьбы, схожие с человеческими, проходят те или иные книги в своем существовании. Утратив корешок, съехав в трапецию своим блоком, книга, тем не менее, сохранила историческую подпись и штампы, соединив на своих страницах судьбы трех русских эмигрантов, и предоставив нам обширное поле для занятных исследований и вдумчивых размышлений.